

На травяном поле, служившем первым полем боя, Отряд Левиафана и 2-й Гир завершили битву, которая переросла в одиночные схватки.

В центре всего этого Сибил закончила петь и подняла взгляд.

Она вытерла пот со лба:

— Шум?

Глядя мимо северного леса, Сибил нахмурилась и удивленно наклонила голову.

Там она увидела пятисотметрового гиганта под названием Сусаоо.

Громкий шум раздавался как раз оттуда.

Это был лязг металла.

Глубокий звук эхом отзывался в её нутре и разносился вновь и вновь.

Он громыхал, не прекращаясь.

Перед озером, от которого доносился металлический лязг, два человека стояли на прогалине, где Саяма и остальные ранее сражались.

Это Изумо и Казами.

Казами держала V-Sw и G-Sp2 в руках и Лук Небесной Луны Цукуёми через плечо.

Консоль G-Sp2 отобразила пару слов:

[Вот это силища.]

— Некрасиво говорить такое девушке.

С этим раздражённым комментарием она повернулась направо, где Изумо нёс кого-то на спине.

Это была Цукуёми. Пока она лежала, наклонив подбородок ему на голову, к ней обратилась Казами.

— Директор Цукуёми, повредить спину во время боя — весьма банально.

— У меня тонкая талия. Куда уж мне до вас, современных спортивных девочек. И что более важно...

Цукуёми глянула в сторону пирса, построенного над озером.

На лишайнике, скрестив ноги, сидел человек, уставившись на лэптоп.

Это был Ацута. Он озадаченно наклонил голову.

— Что с этой карточной игрой? Явный мухлеж. Я не могу выиграть.

— Ацута, прекрати причитать о своей глупости и расскажи, что случилось. Где Касима и остальные?

— Просто взгляни. Для меня там не осталось места.

Он поднял руку и указал большим пальцем назад.

В сторону Сусаоо.

Цукуёми окинула мрачным взглядом громадную форму, стоящую во тьме под луной.

— Ты хочешь сказать, этот металлический лязг то, что я думаю?

— Так и есть. Они натурально проводят финальное сражение наверху.

Ацута повернул голову и глянул себе за спину.

В то же время из части живота Сусаоо вспыхнуло нечто, напоминающее белый туман.

Казами знала, что это.

— Дым взрыва от объекта, перемещающегося на большой скорости.

За ним последовал металлический грохот. Он отразился у них в нутре и звучал так, будто нечто сломалось.

И сражение не замедляло ход.

Продолжая лязг, Касима двигался всё дальше и дальше вверх по гигантской массе металла.

Он взбирался на Сусаоо.

Сбоку громадных частей, сконструировавших пятисотметровую форму, была построена зигзагообразная лестница.

Металлические ступени тянулись где-то на пять метров в ширину. Застарелая ржавчина делала восхождение ненадёжным.

— Но это бесполезная преграда для оружейного бога и того, кто с ним сражается.

При этих словах он глянул на парня, который его нагонял.

В своем преследовании парень бежал, отталкивался от земли, и даже скользил по перилам. И всё это время он сражался с мечом в руках.

Касима ощущал, что это превосходный противник.

Сам Касима не знал почти ничего о том, как орудовать мечом, но клинок научил его всему, что нужно знать.

Для оружейного бога меч был чем-то вроде слуги. Он научит своего владельца, как использовать его мощь. Он предоставит ему знание, опыт и мастерство.

Касима мог сражаться.

Он ощущал металл на каждом своем шаге.

Его собственное тело сражалось с врагом на фоне ветра.

Всё громыхало как музыка, и трепыхалось как в танце.

И пока он мчался всё дальше, его взор поднимался всё выше.

Касима уже прибыл на уровень груди Сусаоо.

Ещё сотня метров — и они доберутся до мостика на голове.

Они уже рядом.

И чем ближе он подходил, тем сильнее учащался пульс.

Ощущение, однажды заставлявшее его дрожать, теперь его опьяняло.

...Я стремлюсь достичь этого места.

Касима взмахнул Фуцуно.

Его клинок пронесся по воздуху, перехватив восходящий удар.

С металлическим лязгом два меча скрестились между собой.

Вспыхнули искры, и по его руке прокатилась на удивление тяжелая отдача.

На мгновение его уши наполнились грохотом, и от траектории полёта клинка повалил белый дым.

Как быстро они двигались? Касима не знал, и ему было наплевать.

Мужчина всё так же продолжал подниматься.

Следующее, что он заметил — его взор оказался ещё выше.

С позиции приблизительно в четыреста метров над землей Касима мог видеть луну, иссиня-черное небо и раскинувшийся внизу пейзаж.

— Выходит, это ночной Токио.

Скопление огней на востоке являло собой городской центр.

Эти огни однажды были утрачены. Во время Второй Мировой Войны.

Но Касима не многое знал об этом.

Он знал лишь истории о Концептуальной Войне, которые рассказывал ему дедушка.

Мужчина горько улыбнулся.

И с этим повернул взгляд на запад.

Касима увидел в ночи ещё больше света.

Огни Токио нарисовали линию от Накано, Митаки, Кокубундзи и до самой Татикавы, где находился он.

Они тянулись всё дальше на запад, уменьшаясь в числе.

Городские огни пролегли сквозь Хаидзиму, Оуме, и затем до гор Окутамы.

Как раз там у подножья гор находилась его семья и Нацу.

Касима гадал, чем они занимаются.

Они и представить бы себе не могли, что он сражается в подобном месте.

...Я всегда буду им об этом лгать.

Мужчина не сомневался, что никогда не расскажет им правду.

Он продолжит лгать, никогда не рассказывая им о сегодняшней битве, о былом и о грядущем, но из всего этого он кое-что обрел.

— Разве не так?

С этим неумышленным вопросом своему врагу он взмахнул Фуцуно.

Враг перехватил звон металла, и Касима ощутил в своей руке эффект.

Вслед его мыслям вибрация достигла головы.

...Какого конца я желаю?

Касима больше не принадлежал 2-му Гиру или Лоу-Гиру. Он находился в неопределенном состоянии.

Сможет ли он получить ответ, обманывая себя попыткой получить оба?

...Что если я не получу ответа?

Мужчина задал себе вопрос, который не следовало задавать.

Но он швырнул вопрос в самого себя и пробормотал новейший ответ:

— Ничего, если так.

В его сердце возникла некая женщина и некий ребёнок.

Касима не мог поверить, что его мысли возвращались к ним посреди этой решающей схватки.

...Я хочу вас увидеть.

Подумал он.

...Я хочу вас увидеть, Нацу-сан, Харуми. Моя семья.

— Да.

Глядя на западные огни, где находилась его семья, Касима кивнул.

Он вернется.

Как только эта битва завершится, он обязательно вернется.

...Но не ко 2-му Гиру или Лоу-Гиру, или чему-то, вроде этого.

Он вернётся туда, где они.

Когда на следующее утро Касима появится у порога, он, несомненно, проголодается.

Мужчина задавался вопросом, приготовит ли ему Нацу завтрак в родительском доме.

Она может сделать свежий рис или мисо суп, но его родители не захотят рыбы. В таком случае, она приготовит яйца и овощи. Предыдущие вареные побеги бамбука, завернутые в ветчину, были весьма хороши.

...Аах, звучит замечательно.

Когда он вернется домой, это будет его поджидать.

И пока мечи скрещивались, издавая металлический лязг, Касима размышлял.

...Нацу-сан, Харуми. Я обязательно к вам вернусь. И затем мы сможем вместе пообедать.

Но сперва он должен был кое-что сказать. Эта фраза послужит доказательством, что Касима вернулся в надлежащее ему место.

Это было не имя, а лишь простая фраза, которую нужно сказать.

Ему следовало сказать: «Я дома».

— Да.

...Я вернусь, чтобы сказать эту фразу, потому дождитесь меня. Дождитесь своего мужа лжеца, моя лгунья жена и наш ребёнок. Я вернусь к любой группе или в любой Гир. Я вернусь к тебе.

— Я позабочусь об этом!

Как гостя, Нацу чувствовала, что затворять штормовые ставни на веранде — её обязанность.

Их было восемь, и они тяжело закрывались. К тому времени, как она затворила их все, то уже успела немного вспотеть.

Закрыв последнюю, Нацу засунула в карниз деревянный ключ и окинула взглядом левую руку.

На ней не доставало мизинца и безымянного пальца. При закрытии штормовых ставней ей всегда не хватало силы.

Она вздохнула, и как раз тогда сзади её позвала мать Касимы.

— Спасибо, Нацу-сан. Мне бы хотелось, чтобы ты осталась здесь насовсем.

— Мне бы тоже этого хотелось, но Акио-сан никогда не согласится.

— Он дурачок, но у него есть гордость, — она горько улыбнулась. — Но скажи ему, что если его уволят — мы его найдем. На ферме не хватает рук и не хватает наследника.

В гостиной, граничащей с верандой, она заготовила три половых подушки. Три чашки чая уже стояли горячими.

После того, как Нацу поблагодарила её и села, мать Касимы села на одну из трех подушек.

Затем из коридора появился отец Касимы, одетый в юкату.

— Хару-тян уснула? — спросила она у него.

— Да, уснула, уснула. Я всегда был специалистом по усыплению детей. С Аки, я всегда хватал его за шею и...

— Помолчи, старик. Просто сядь.

Муж покорно последовал инструкциям жены.

Он опустил плечи и вздрогнул, вежливо сев рядом с ней.

— Ты знаешь, зачем я тебя сюда позвала?

— П-потому что тебе одиноко?

— Нет.

Нацу осознала, что мама Касимы не отрывала от неё глаз.

Затем пожилые люди вздохнули в унисон и уселись поудобнее.

— В очередной раз мы должны попросить тебя позаботиться о Касиме Акио.

Они поместили руки перед собой в сидячем поклоне.

Нацу лихорадочно вытянула руку.

— Э-эм, прошу, не нужно. Я, ну, хотела бы тоже...

Она поместила собственные руки впереди и опустила голову, словно начиная соревнование, кто поклонится ниже.

После десяти секунд в такой позе, все трое сели прямо.

Кончики бровей Нацу опустились.

— К чему всё это?

— Мы проделаем это столько раз, сколько потребуется. Аки сказал, что возьмется за свою работу всерьёз, и поэтому он наверняка станет несколько тобой пренебрегать, — сказала его мать. — К тому же, он наверняка будет о многом тебе лгать, вот почему мы хотели бы...

— Вам не нужно просить у меня за него прощения, — сказала Нацу. Её выражение лица смягчилось, и она поднесла руку к груди. — Я тоже о многом его обманываю.

— Вроде твоей готовки?

— Не только об этом, отец. У девочек есть немало тайн, о которых мальчики и не подозревают.

— Не нравится мне, как это звучит.

Он засмеялся, а Нацу кивнула.

— И я говорила ему одну большую ложь.

— Э?

— Одной дождливой ночью, едя на автобусе по дороге здесь внизу, я попала под обвал, помните?

Родители Касимы переглянулись.

— Э-это правда, — неуверенно сказал его отец. — Ты направлялась к раскопкам каких-то руин сверху, да?

— Да, это... Ну, ложь, которую я упомянула, уже достаточно старая, так что я могу вам рассказать. В ночь того случая восемь лет назад...

Она немного опустила голову, отвернувшись от них.

— Я направлялась не к руинам.

— ...

Она подняла глаза, чтобы встретить их молчаливые взгляды.

— Я сказала родителям, что отправлюсь на руины, но на самом деле собиралась приехать сюда. Я обменивалась письмами с Акио-саном со времен выпуска, но я по-прежнему гадала, как он поживает... Я планировала посетить его ночью, чтобы он увидел меня дома, и...

Она чувствовала, как на этих словах её щеки становятся всё краснее и краснее.

— Оглядываясь назад, это было невероятно неприлично.

— Нет, мм...

— И после аварии я была ошеломлена, когда человеком, спасшим меня, оказался тот, кого я желала больше всего увидеть. — Она кивнула и негромко произнесла. — Все думали, что я попала в аварию на пути к руинам, и он остался помочь мне с реабилитацией. И затем попросил меня выйти за него замуж.

Она снова опустила голову.

— И поэтому я испугалась.

— ...

— Я направлялась сюда с такими непристойными планами, и авария словно была моей карой, но он остался со мной, не зная или не спрашивая о правде. — Она перевела дух. — Я вовсе не та женщина, за которую он меня принимает. Я ничего не знаю о мире, всегда притворяюсь что знаю, как себя вести, и я полна непристойных мыслей. Но он всё равно на мне женился.

Она сложила пальцы левой руки вокруг правой.

— И по какой-то причине, мне стало страшно спрашивать, почему он на мне женился.

Нацу вздохнула и обнаружила, что родители Касимы пристально на неё смотрят.

— Ах, — она торопливо разделила ладони и замахала ими туда-сюда. — Э-эм, это уже прошло. Я могу говорить об этом как раз потому, что уже оправилась.

— Серьёзно? Но...

— Да, теперь со мной всё хорошо. Это прошло, как только внутри меня сформировалась Харуми. Может это и нечестно, но рождение ребёнка заставило меня осознать, что между нами есть что-то ещё, помимо ответственности и жалости.

Она горько улыбнулась.

— И если бы тебе не было до кого-то дела, ты бы не стал записывать своего с ней ребёнка на пленку, и не старался бы приходить домой каждый день, разве нет? И я кое-что поняла. Каждый раз, когда он возвращается, то непременно говорит мне «Я дома», и когда мы едим, он непременно говорит мне «Спасибо». Он всегда это делал, но я никогда особо не обращала внимания.

— Полагаю, даже от Аки иногда бывает прок.

— Ой, но когда он без спроса купил видеокамеру, я три дня отказывалась с ним разговаривать.

Её улыбка утратила горечь, и она выпрямила спину.

— Поначалу это могла быть как ложь, так и правда, но сейчас Акио-сан, я и Хару-тян — настоящая семья.

— Да, — согласилась мать Касимы с небольшой улыбкой. — Ты приложила к этому немало усилий, не так ли?

— Нет, — Нацу покачала головой. — Это всё усилия Акио-сана. Вот почему я должна вернуть все усилия, которые он направляет в нашу сторону. Быть может, мне и одиноко, когда его нет рядом, но Хару-тян отныне станет нашей поддержкой. С нами всё будет хорошо.

На этих словах Нацу обхватила три пальца левой руки своей правой.

И она медленно сложила руки перед собой, глубоко поклонившись.

Но когда женщина заговорила, это был твердый голос.

— Как Такаги Нацу и ныне как Касима Нацу, я прошу вас позаботиться об Акио-сане, Харумитян и обо мне.

Сражение достигло вершины Сусаоо.

Остатки мостика образовали площадку обожженного металла.

Пространство в пятнадцать квадратных метров тускло отражало луну.

И подобно могильному камню, в центре стоял силуэт.

Это был громадный меч не менее двух метров в длину, созданный путем сплетения множества тонких металлических пластин.

Он вонзился в металлический пол, находясь перпендикулярно небу.

На остатки мостика примчались две фигуры, и ещё одна прибыла с небольшим опозданием.

Первыми появились Саяма и Касима. За ними последовала Синдзё.

Касима вскочил в центр мостика прямо перед Тоцукой.

Но он не потянулся к мечу, знаменующему его победу.

Это больше не являлось его условием победы, а раз так, он продолжил сжимать Фуцуно.

— Подходи, жаждущий контроля над драконом!

— С удовольствием, — ответил Саяма.

Он бросился вперед и, в качестве отвлекающего маневра, сместил тело вправо.

На рывках и прыжках вокруг него обвивался ветер. Его движения походили на того, кто освободился от сковывающих его пут.

Он был быстр.

Но Касима мог видеть и кое-что ещё.

Чтобы использовать всю силу на Фуцуно, он отклонился телом назад, замахнувшись двумя руками.

В следующий миг Касима направил клинок Фуцуно туда, где, по его предположению, окажется Саяма.

— О-ох!

Потомок оружейных богов влил всё свое внимание в тот взмах.

И в этот же миг, глянув Касиме прямо в глаза, Саяма продемонстрировал определенную технику: Искусство Ходьбы.

— ?!..

Касима увидел, как Саяма неожиданно пропал.

...Он научился, как это делать?

Обмениваясь ударами мечей и синхронизировав дыхание в своих действиях, ему хватило лишь одного взгляда в глаза, чтобы достичь определенного уровня общей синхронизации.

И его враг сделал именно это под самый, самый конец.

— Выходит, Лоу-Гир использует для победы технику 2-го Гира?!

Как интересно. Касима ощутил радость.

Да, — подумал он. — Неплохо.

Он понимал, насколько сильно Саяма сосредоточен на победе. Парень даже готов был воспользоваться техниками 2-го Гира.

Когда на кону победа, различия между Лоу-Гиром и 2-м Гиром неважны.

И поэтому Касима не остановил взмах меча.

Саямы на пути клинка больше не было. Вне восприятия Касимы, он, скорее всего, резко остановится и в следующий миг атакует с другого положения.

Касиме нужно было разглядеть сквозь его Искусство Ходьбы.

И чтобы это сделать, ему нужно выбить себя из синхронизации.

Ранее Саяма сумел это сделать, ещё сильнее окунувшись в прошлое.

В таком случае, как же поступит Касима?

— Я...

Его зрение донесло до него ответ.

За ночным небом, на востоке виднелись горы Окутамы.

...Всё верно. Там находятся люди, которые меня ждут.

Ему было куда возвращаться.

И осознав это, он перестал стремиться к тому месту. Вместо этого — Касима его принял.

Он не сражался ради победы, убийства, или потери.

— Я сражаюсь, чтобы туда вернуться!

Сразу же после этого мужчина ощутил вес в ладони.

Он ощутил вес металла, вес клинка, и вес рассекающего ветра.

И пусть всего лишь на миг, но мысли о том, что ему важно, сделали его — оружейного бога — чем-то иным.

Это действительно длилось всего мгновение, но его было достаточно.

Освободившись от уз оружейного бога, Касима покинул синхронизацию Саямы.

И так, он прорвался сквозь его Искусство Ходьбы.

Саяма был всего в шаге слева.

Чтобы нанести последнюю атаку по Касиме, он опустил свой меч к поясу.

Вероятней всего, парень планировал напасть в ту же секунду, когда Касима ударит клинком Фуцуно об пол.

Вот когда это должно закончиться.

Но Касима принял молниеносное решение.

Направляя клинок вниз, он убрал с эфеса правую руку.

И...

— О-ох!

Наполнил всей своей силой правый кулак и врезал в правый бок Фуцуно.

В то же мгновение кулак треснул, и через затылок до его мозга пронесся тупой импульс.

Но ему было плевать.

Касима успешно изменил траекторию гигантского меча.

Теперь Фуцуно направлялся к Саяме.

Он войдет через верх его головы и выйдет через левый бок.

— !..

И Саяма отреагировал.

Он взмахнул мечом у пояса и перехватил громадную массу, ниспадающую сверху.

Но толку не будет. Удар Касимы отличался от предыдущих. Он обладал начальной скоростью оружейного бога, и был нанесен с должной опорой под ногами. Этот удар не предполагал

удерживание меча только левой рукой.

Он проявил свою силу за миг.

Прежде чем удар достиг клинка Саямы, волосы, обвязанные вокруг лезвия и его руки, рассыпались. Оберегающая его защита принцессы покорёжилась вмиг и, в заключении, разбилась.

И под рассыпающимися в воздухе волосами, два меча пересеклись.

— Саяма-кун!

Касима слышал крик девушки, но это ничего не изменило.

Меч Саямы неожиданно сломался.

Это породило громадный металлический звон.

Скорость взмаха Фуцуно не замедлилась, и у Саямы не осталось защиты.

А Касима тоже никак не мог его остановить.

— И это!.. — закричал он. — И это твой ответ?!

И услышав, как его собственный голос заливает пространство, Касима кое-что увидел.

Он увидел ответ.

Сначала мужчина слышал новый металлический лязг.

— Фуцуно...

Разлетелся на куски.

— !

Массивный кусок режущего металла сломался. Тот меч заставлял его усомниться во всем восемь лет назад, но теперь рассыпался, словно слепленный из песка.

Он покрылся трещинами, не сумев устоять под нисходящим движением.

Словно обнимая воздух, рассекающий клинок треснул и раскрошился.

— Что?!..

До того как Касима успел задать дальнейшие вопросы, он это увидел.

В правой руке Саяма кое-что держал.

Это был небольшой черный флоппи диск.

— Это собрание имен, принадлежащих несчетному количеству богов 2-го Гира, которые, можно сказать, являются самим 2-м Гиром. Фуцуно создавался как символ 2-го Гира, и поэтому он не сможет это рассечь!

Сжимая оставшуюся рукоять Фуцуно, Касима слушал слова парня.

— Это доказательство, что ты поистине создал что-то из 2-го Гира!

Саяма двинулся.

Парень крутанулся, повернувшись спиной, подпрыгнул и, в прыжке, нанёс удар ногой с разворота.

Он попал в цель.

— !..

Грудь Касимы налилась тупым звуком, и его откинуло назад.

Но...

— Это ещё не конец!

— Согласен, — воскликнул Саяма.

Они оба одновременно улыбнулись.

Касима развел руки в стороны, отмахнулся от осколков Фуцуно, рассеянных в воздухе, и мощно ступил на металлический пол.

Он выдал вдох, проигнорировал боль в груди и устремился вперёд.

— Носитель дракона! Как у потомка тех, кто не смог подчинить дракона, у меня к тебе вопрос!

Перед его глазами лежал Тоцука.

Этот меч из 2-го Гира был выкован его дедом. Он по-прежнему не знал, какой от него придёт ответ.

Касима потянулся разбитой правой рукой и схватил Тоцуку.

И в ту же секунду он увидел, как из грудного кармана защитной формы Саямы вытащило головку животное.

Это был Баку.

Саяма увидел прошлое.

Он находился внутри металлической комнаты с низким потолком. Она напоминала мостик корабля.

В центре была платформа, по виду похожая на контейнер для гуманоидного объекта.

Но в данный момент она пустовала, и на том мостике находилось лишь два человека.

Их фигуры освещал алый свет из окна.

И за стеклом тут же показалось массивное пламя.

Оно вздымалось, мерцало назад и вперед, и снова вскипало. Однако пламя было не бесформенным.

Оно приняло форму гигантского дракона. Дракона с восемью головами.

Громадные руки, видневшиеся с обеих сторон мостика, тянулись вперёд и охватывали пламя.

Внутри говорило два человека. Тот, что повыше и в рабочей одежде, держал в правой руке меч.

Второй, что пониже, носил рабочее одеяние японского стиля. Он беспрестанно кричал.

То были Ооширо Хиромаса и дед нынешнего Касимы.

Этот Касима уговаривал второго мужчину эвакуироваться.

Пока он говорил, алый свет снаружи становился ярче. В ответ синие камни, висящие на их шеях, начали испускать свечение. И разрастаясь всё сильнее и сильнее, оно озарило их синим.

На фоне того света Хиромаса улыбнулся Касиме.

— Я не могу. Теперь, когда Микаге отсоединили, кто-то должен вручную управлять Сусаоо. И кто-то должен дать ответ, чтобы запечатать Ямату в Тоцуке.

— Но!..

Хиромаса покачал головой.

Он снял очки и отшвырнул их на пол.

Даже не успев долететь, очки неожиданно расплавились.

— Теперь иди. Становится жарко, и я не уверен, что защиты философского камня будет достаточно. Касима, ты можешь не успеть благополучно сбежать.

Он глянул прямо на низкорослого пожилого мужчину по имени Касима.

Когда тот увидел его глаза, он сглотнул.

Глаза Хиромасы не фокусировались, и в них не было света.

— Видишь? Я ослеп от разрушения твоего Гира и от той бомбардировки.

— ...

— Собери остальных. Ты обещал, не так ли? Дабы собрать вместе Лоу-Гир и 2-й Гир, ты выступал в качестве представителя 2-го Гира и сначала жёстко нас отклонил. Но ты сказал, что убедишь оппозицию сдаться Лоу-Гиру, едва лишь Ямата будет запечатан. Ты сказал, что поведёшь всех вместо меня.

— Вы глупец.

— Возможно, но я принял решение. Я принял его, когда не сумел спасти твой Гир, и ты кричал на меня в знак протеста после прихода в Лоу-Гир.

Он улыбнулся.

— Это весьма пригодилось. Мне следовало услышать, что я не имел намерения по-настоящему узреть разрушение 2-го Гира.

— Э-это мне следовало услышать.

— Мы одинаковы, Касима. Мы оба инженеры.

Хиромаса кивнул и повернулся невидящими глазами к окну.

В ночное небо вонзились восемь одновременных кличей пламенного дракона, и мостик покачнулся.

То были крики протеста, в попытке всему отомстить, но в них ещё слышалась сдавленность и борьба.

Однако Хиромаса не мог видеть дракона. Его расфокусированные глаза смотрели мимо дракона и мимо стен Концептуального Пространства. Они глядели в сторону небольшого ночного пейзажа, видневшегося вдали.

— Ты видишь это, Касима? Токио ещё не начал восстанавливаться, но тебе видно редкие огни, что по-прежнему живут, правда?

После вопроса мужчина снова приоткрыл уста.

— ...

Но он остановился. Перевел дух, чтобы себя успокоить, перед тем как снова заговорить.

— Для контроля над Яматой Сусаоо недостаточно. Чтобы ответить на вопрос Яматы, я

воспользуюсь твоим Тоцукой,

— Глупец!! Р-разве Вы знаете ответ?!

— Да, — Хиромаса кивнул и поднял громадный меч в правой руке. — Теперь я определённо тот, кто знает ответ.

Касима попытался в ответ что-то сказать.

Он приоткрыл рот, скривился и попытался вытащить слова из глубины своего нутра.

— Я... Я... на самом деле не...

Но Хиромаса его оборвал.

— Иди, Касима. Такова моя первая команда, оружейный бог и кузнец мечей.

В ответ на его слова Сусаоо затрясло.

Дракон бушевал и пытался вырваться из сковывающих его пут.

Мостик наклонился, металл заскрежетал, и Касима опрокинулся.

Наклон подбросил его в воздух и впечатал в дверь.

— !?

Она неожиданно отворилась, поглотила мужчину за собой и снова закрылась.

С того места, где его прижало к передней части мостика, дверь контролировалась Хиромасой.

Но он слышал Касиму, оказавшегося за дверью. Его заплаканное лицо повернулось к Хиромасе.

— ————!

Возглас мужчины принял форму вопроса. Он ретранслировал волю дракона. Он задавал вопрос, который только он мог задать.

Покинув мостик, Касима оставил всё на Хиромасу.

Мостик вернулся в свое изначальное положение и, отвечая на голос Касимы, Ямата заревел.

Но руки Хиромасы неожиданно остановились на консоли.

Он мягко ухватился за край коробки, прикрепленной спереди.

Через мгновение мужчина наклонил голову и слегка приоткрыл коробку.

И вытащил лист японской бумаги.

На огнеупорной бумаге виднелись громадные буквы, написанные чернилами.

Хиромаса не мог видеть, но дал алому свету Яматы осветить бумагу, проведя по ней пальцами. Он, должно быть, мог прощупать чернило, потому что улыбнулся после прикосновения.

Ощувив письмо, мужчина произнес небрежно написанную катакану вслух.

— О-о-ши-ро...

Его улыбка расширилась, он сложил бумагу и поместил её в грудной карман рабочей униформы.

Затем он повернулся вперёд и направил невидящий взгляд в сторону Яматы.

— У тебя ужасный почерк, — пробормотал он, едва лишь мостик залило алым светом.

И как только Хиромаса приоткрыл рот, чтобы произнести ответ, прошлое подошло к концу.

Развернувшиеся на берегу озера члены UCAT увидели над головой свечение.

Оно пришло от имен, быстро разносящихся под небесной сферой, подобно диаграмме.

Имена образовали тонкие строки письма, которые плыли от мостика в ночном небе, волоча за собой бело-синий свет.

Имена удлинялись по прямой, подобно нотам изгибались дугами параллельных линий по небу, окружали облака и вращались бесчисленными слоями.

Распространяясь, они быстро двигались вдаль. Различие в скорости заставляло бело-синие имена формировать множественные слои. Некоторые поднимались эллиптической орбитой, другие летели идеальным кольцом. В конце концов, под завесой неба образовалась громадная небесная сфера.

Эти имена были истинной формой Тоцуки и предназначались для запечатывания Яматы.

На фоне стремительно расширяющихся имен, всем послышался мелкий металлический звон.

Один старик из 2-го Гира, услышав его, пробормотал себе под нос:

— Металлические осколки, образующие Тоцуку, распаковывают имена, вырезанные в нём...

Словно соглашаясь, свет промчался дальше.

И как только небесная сфера достигла пределов Концептуального Пространства, прибыло кое-что другое.

Сначала, в пустом подлунном пространстве возник алый цвет.

И будто разливаясь в воздух, он разросся и образовал пламя.

Пламя текло. Оно шевелилось подобно воде, подобно змею, подобно дракону.

Наконец, огонь поистине превратился в дракона.

— Вот и он! — кто-то закричал, как только он обрёл форму.

С ревом, восьмиглавый, восьмихвостый пламенный дракон показался на глаза.

Вмиг он вырос больше чем на километр, и продолжал расширяться у самой вершины Концептуального Пространства.

В небесах расцвел громадный красный цветок.

И распускаясь, алый дракон издал крик. Его крик протеста покачнул воздух и землю.

— ———!

Его рев прогремел, его пламенный шум насыщал воздух, а небесная сфера имен...

— Она трещит?!

Движение Яматы заставило бесчисленные имена печати закричать.

— Скорее, — пробормотал кто-то, когда услышал звук, напоминающий натужный скрип судна.

— Прошу, скорее! Если Ямата освобожден, Концептуальное Пространство может не выдержать!

Этот крик пришёл от сотрудников отдела разработок, присоединившихся к Цукуёми. Они обладали наибольшим знанием о печати Яматы.

Но пламенный дракон в ночном небе не обращал на них внимания.

Он поднял свои восемь голов.

— ———!

Восемь звериных голосов раскатились прямо к луне.

И затем, Ямата зашевелился.

Он рухнул в сторону железного гиганта на озере, приблизительно в 1500 метрах внизу. Он опускался в сторону того гиганта, раскинувшего руки, словно для объятий.

С распахнутыми пастью во главе, пламенный дракон собирался поглотить меч, который однажды его запечатал.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3275267>